DOI 10.37882/2223–2982.2024.5.47

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

BASIC CONCEPTS OF THE RUSSIAN AND CHINESE PAREMIOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD

Chen Xuesong

Summary: In the article, the author, based on an analysis of research interpretations of the concept "picture of the world", as well as their correlation with the paremiological dimension, puts forward a general definition of the paremiological picture of the world. The main concepts present in the Russian and Chinese paremiological pictures of the world are identified. Based on the analysis of these concepts, the author makes an important conclusion about the similarities and differences in the paremiological pictures of the world of the Russian and Chinese peoples, determines the main meanings that were incorporated by representatives of the Russian and Chinese cultures into the concepts under study, and compares the paroemias present in the Russian and Chinese languages.

Keywords: paremia, paremiological picture of the world, Russian culture, Chinese culture, concept, proverbs, sayings.

Чэнь Сюесун
аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Cxuesong15@icloud.com

Аннотация: В статье автор на базе анализа исследовательских трактовок понятия «картина мира», а также их соотнесением с паремеологическим измерением, выдвигает общее определение паремиологической картины мира. Выявлены основные концепты, присутствующие в русской и китайской паремиологических картинах мира. На основе анализа указанных концептов автор делает важный вывод о сходствах и различиях паремиологических картин мира русского и китайского народов, определяет основные смыслы, которые были заложены представителями русской и китайской культур в исследуемые концепты, сопоставляет паремии, присутствующие в русском и китайском языках.

Ключевые слова: паремия, паремиологическая картина мира, русская культура, китайская культура, концепт, пословицы, поговорки.

На современном этапе, в силу существенных геополитических трансформаций, большое значение имеет постижение русскими людьми китайской культуры с целью углубления и дальнейшего выстраивания дружественных отношений между государствами. В равной степени, целесообразным представляется и обратный процесс, содержание которого определяется расширением представлений населения КНР о ментальности русского человека.

Постижение «чужой» культуры может осуществляться различными способами: через личное посещение другой страны и общение с носителями «иного» языка, традиций и обычаев, а также посредством ознакомления с последними через различные области культуры, играющие «посредническую» функцию трансляции культурных знаний, в частности, музыкальное, изобразительное и иные виды искусства. Между тем, наряду с другими областями культуры, именно литература содержит в себе значительный потенциал для постижения различных смыслов культуры «другого» [16, с. 67–68]. На основании выявления и совмещения указанных смыслов представляется возможным сформировать общую картину мира, свойственную представителям определенной культуры.

В свою очередь, литературные произведения представляют собой часть языковой картины народа. При этом составляющей последней является картина паремиологическая, которая, также будучи частью сферы национальных концептов, вмещает в себя основные ценности культуры.

Прежде чем выявить и проанализировать ведущие концепты русской и китайской паремиологических картин мира, необходимо более подробно остановиться на определении изучаемого понятия, а также на соотношении термина «картина мира» с ее паремиологическим измерением.

Необходимо отметить, что возникновение самого понятия «картина мира» отнюдь не связано с литературой: оно родилось в области физики в XIX – XX вв. и соотносилось с постижением учеными законов природы и установления связей между различными явлениями и процессами.

Между тем, картина мира представляет собой ту реальность, которая, с одной стороны, конструируется в результате воздействия на человека внешних факторов, с другой стороны – средой бытования которой является сознание личности. В результате, будучи внешне опосредованной, картина мира живет внутри человека, позволяя ему успешно функционировать в рамках конкретной социальной реальности. Следует согласиться с А. Эйнштейном, утверждавшим по этому поводу, что люди стремятся сформировать для себя простую и ясную картину с

той целью, чтобы «… заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимается художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни…» [17, с. 40].

Таким образом, для каждого человека картина мира, выступает, своего рода, его внутренним убежищем и, вместе с тем, основанием, на базе которого выстраивается его повседневная реальность. Не будучи физически осязаемой, она является реальной для духовной жизни личности.

Установление некой общей дефиниции картины мира представляет особую актуальность для современной науки в силу того, что единый научный подход к определению данного понятия позволит согласовывать методики различных областей научного знания в рамках анализа данного понятия. В этой связи, необходимо отметить, что большое значение имело исследование картины мира в гуманитарных науках.

При этом именно в лингвистике понятие «картина мира» используется чаще, нежели в других научных областях. Как следствие, определение содержания картины мира применительно к языку народа является одной из составляющих парамеологической картины мира, органически вмещающей в себя основные концепты народной культуры.

Различные авторские подходы к дефиниции исследуемых понятий позволяют определить их соотношение. В частности, с точки зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, картину мира следует рассматривать в качестве упорядоченного комплекса сведений об окружающей реальности, сформировавшегося в общественном (также групповом, индивидуальном) сознании» [18, с. 7]. Иными словами, картина мира может иметь как индивидуальный, так и коллективный характер.

В свою очередь, парамеологической картине мира свойственен преимущественно коллективный характер, так как отражающиеся посредством ее основных концептов культуры народа формировались за счет не только индивидуальных, но также общественных представлений [9, с. 7–12]. По мнению М.А. Серегиной, паремиологическая картина мира представляет собой компрессию социально-культурного опыта народа, итог его познания [11]. Таким образом, фактически паремиологическая картина мира означает некий результат пройденного народом исторического и общественного пути развития.

Паремиологическая картина мира представляет собой одно из ведущих понятий лингвокультурологии, развитие которой осуществлялось в рамках антропоцентрической парадигмы. Прежде всего, необходимо провести разграничение паремии и иных фразеологических единиц. В частности, Г.Л. Пермяков характеризовал паремию как изречение народа, выражаемое посредством предложений (пословиц, примет, поговорок), либо краткой цепочки последних (загадки, короткие анекдоты и т. д.) [8, с. 57]. В свою очередь, В.М. Мокиенко определяет паремию в качестве устойчивых в языке и воспроизводимых в речи изречений, имеющих характер наставлений и не имеющих авторства, в состав которых входят пословицы, поговорки, а также идиоматические выражения [7, с. 13].

Фактически паремия представляет собой предложение, которое носит анонимный характер. Иными словами, те фразеологические единицы, которые не относятся к предложениям и не имеют анонимного характера, невозможно причислить к паремии.

Также достаточно важным представляется следующий критерий, на базе которого выделяют паремию: предложения, составляющие их, базируются отнюдь не на понятиях, а на суждениях. Паремиям свойственна естественность формирования и последующего воспроизведения в речи в рамках определенного периода истории конкретной социальной общности.

В результате, в наиболее общем виде паремиологическую картину мира мы можем дефинцировать как отражение в народном сознании определенного мировоззрения, характеризующегося посредством предложений анонимного характера, которым свойственна дидактичность, определенная устойчивость, структурированность, а также смысловая завершенность.

Безусловно, паремиологический фонд как русского, так и китайского языка представляет собой сферу отражения, накопления и трансляции культурных ценностей народов.

Паремиологическая картина русского народа, аналогично китайскому, в во многом является обусловленной национальным и лингвокультурным пространством официальных языков России и Китая. Необходимо отметить, что ведущими элементами, посредством которых проявляется национально-лингвокультурный код, равно как и конструируется языковая картина мира, являются паремии, представляющие собой небольшой текст с конкретным количеством текстовых категорий, к числу которых относятся «… содержательность, связность, последовательность, цельность, завершенность, модальность, эмотивность, прецедентность, интерпретативность, функциональная направленность» [4, с. 11].

На сегодняшний день сопоставление национально-лингвокультурных кодов русского и китайского

языков неоднократно выступало предметом исследовательского анализа. Ученые также сравнивали между собой парамиологические единицы русского и китайского языков. Сопоставление последних производилось на основе ряда базовых концептов, под которыми, в свою очередь, следует понимать содержание словесного обозначения, за которым стоит понятие, относящееся к конкретной сфере человеческой жизнедеятельности и закрепленное в коллективном народном опыте. В частности, Пи Цзянькунь изучал такие концепты русского языка, как ложь, неправду и кривду в качестве составляющих русского паремиологического пространства в рамках его сравнения с китайским языком [15]. В свою очередь, О.В. Ладисова совместно с Х. Вэньхуа занимались изучением национально-культурных ценностей концепта семьи применительно к русской и китайской паремиологии [5]. Работа И.С. Просвирниной и Г. Жуй была посвящена анализу концепта «скромность» применительно к русскому и китайскому паремиологическим фондам [10].

Таким образом, к настоящему моменту отечественными и зарубежными исследователями были произведены достаточно обширные научные изыскания в рамках рассмотрения основных концептов, определяющих паремию русского и китайского языков.

Между тем, их выявление часто не предусматривало обобщений: фокус внимания исследователей сосредотачивался преимущественно на какой-либо одной группе концептов, либо их дуалистических противоположностях. Однако на базе основных паремиологических концептов русского и китайского языков не предпринималось попыток реконструировать картину мира народов, являющихся их носителями.

В частности, наличие таких концептов в русском языке, как «семья», «скромность», «любовь» свидетельствовало о значительной роли духовной составляющей в жизни русского народа. При этом понятие любви было наделено возвышенными смыслами: оно в большей степени понималось как любовь духовная, родство человеческих душ, нежели физическая связь и очарование внешней привлекательностью. Между тем, понимание смысла концепта «любовь» часто было неотделимо от концепта «скромность», так как истинная любовь предполагала чистоту, непорочность души.

В свою очередь, анализ пословиц, по мнению Х. Гу и Е.Г. Дорониной, позволяет выявить смыслы, встречающиеся в каждой их них, а также смыслы, встречающиеся реже и, наконец, такие, наличие которых было отмечено однократно. Исследователи называют первую группу смыслов ядерными, вторую – околоядерными, а последнюю группу – периферийными, т. е. не имеющими особого значения [1, с. 7].

В частности, ядерные смыслы концепта «любовь» в рамках русской парамеологической системы можно представить следующим образом:

— человека невозможно заставить любить, либо не любить другого;
— чувство любви не поддается контролю, так как оно отождествляется с пожаром, который разгорится и его невозможно потушить;
— влюбленность позволяет преодолеть все преграды на пути к любимому человеку («любовь на замок не закроешь»);
— возлюбленный является самым важным человеком для того, кто влюблен (и белый свет становится немилым, если любимого человека нет рядом).

Таким образом, чувство любви играет значимую роль в паремиологической картине мира русского человека. Именно этому чувству отводится роль первопричины многих человеческих поступков, так как влюбленные готовы на все ради своего чувства.

В свою очередь, для китайского народа концепт «любовь», хоть и обладал большим значением, тем не менее, не был столь широко представлен в пословицах как в русском языке. Указанное обстоятельство, тем не менее, отнюдь не умаляло значения данного концепта в рамках парамеологической картины мира китайского народа: меньшее количество пословиц, касающихся любви, объясняется преимущественно традициями конфуцианства, которое не поддерживало бурного проявления чувств, но предусматривало сдержанность и скромность.

Ядерные смыслы концепта «любовь» в паремиологической картине мира представителей китайского народа передаются посредством следующих элементов:

— даже тем, кто находится в отдалении друг от друга, судьбой предначертана любовь (有缘千里来相会);
— любовь не во владении, а в уважении (爱不是占有，是欣赏);
— если хочешь обрести сердце другого, никогда не бросай его (愿得一心人, 白首不相离);
— любви свойственно интуитивное понимание, без слов (相爱的心息息相通，无需用言语倾诉).

Таким образом, для русской и китайской паремиологической картины мира не только характерно наличие объединяющего концепта «любовь», но и наделение последнего тождественными смыслами. Во многом это определяется тем, что любовь, будучи основой и первопричиной человеческого существования, одинаково понимается представителями различных национальностей и культур. Базу данного концепта в исследуемых паремиологических картинах мира составляет неконтролируемость любви (сравнение ее с пожаром, либо огнем), а также ее неподкупность. При этом паремии, сформированные представителями китайской культуры,

свидетельствуют о большей сдержанности влюбленных, а также об интуитивности понимания между ними, которое не требует разговоров, в то время как для русских людей чувство любви, обладающее огромной силой, не лишено внешних проявлений.

Наряду с концептом «любовь», как в русском, так и в китайском языках достаточно велико значение концепта «семья». Данный концепт представляет собой важную часть культуры России и Китая. У народов этих стран на протяжении их истории именно семья являлась наиболее прочным элементом социального устройства. Именно в рамках семьи транслировались традиции и обычаи культуры народа. Ведь именно в семьях традиционно осуществлялось рождение и воспитание детей, а, как следствие, продолжался, человеческий род, являющийся носителем культурных ценностей.

Представляет интерес, что, в отличие от концепта «любовь», общий смысл которого определяется тем, что люди испытывают схожие чувства, концепт «семьи» мог в определенной степени трансформировался в силу изменений, происходящих с течением времени в самой семье как в социальном институте.

Исходя из того содержания данного понятия, которое зафиксировано в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, «семью» или «семейство» следует понимать как «совокупность близких родственников, живущих вместе». Согласно трактовке толкового словаря, в качестве семьи следует рассматривать также родителей с детьми, тогда как женатый сын, либо замужняя дочь как отдельно проживающие люди уже являются частью другой семьи. Здесь же В.И. Далем приводятся следующие паремии о семье: «Хороша семейка! Семья воюет, а один горюет», «Семьей и горох молотить», «Семейное согласие всего дороже», «Семейный горшок всегда кипит» и т. д. [2, с. 173].

Таким образом, семья в паремиологической картине мира русского человека представляет собой надежный оплот, опору, обеспечивающую хорошие результаты ведения совместного хозяйства в том случае, если все члены семьи живут в мире друг с другом («В семье и каша гуще») [3, с. 147].

Как следствие, социальные трансформации, которым подвергается семья на современном этапе, не нашли отражения в соответствующих паремиях в русском языке. С одной стороны, это обусловлено тем, что концепт «семья» формировался не одно тысячелетие, с другой – тем фактом, что паремии представляют собой некую коллективную народную мудрость, выражающуюся преимущественно в устном народном творчестве, для которого характерна длительность формирования. Как следствие, хронологически недавние изменения не оказывают значительного влияния на паремиологическую картину мира русского человека.

В китайском языке понятия «семья» обозначается иероглифом 家 – цзя. «Словарь современного китайского языка» трактует данное понятие как базирующуюся на браке, либо кровном родстве единицу социума, которая включает родителей, детей, а также иных родственников, проживающих совместно. Также под семьей может пониматься место, где живут вышеперечисленные лица, и их общая фамилия [13, с. 653].

В языке китайского народа присутствует много пословиц, поговорок, связанных с семьей: «В дружной семье всё получится» （家和万事兴）, «В каждой семье есть трудно читающие молитву» （家家有本难念的经）(т.е., есть своя проблема) (российским аналогом, в данном случае, может выступать поговорка «В семье не без урода»), «В своей семье всё хорошо, а если выйдешь хотя бы на один день, будет трудно» （在家千日好,出门时时难） [12, с. 259-266].

В результате можно заключить, что основной смысл концепта «семья» в паремиологической картине мира китайского народа обусловлен осознанием того, что человек может обрести подлинное чувство значимости и защищенности исключительно в окружении близких родственников. Наконец, еще одним значимым концептом применительно к характеристике русской и китайской паремиологических картин мира является концепт «смерть». Наряду с наблюдениями и размышлениями о жизни, отраженными в пословицах, поговорках и т. д. русского и китайского народов, представителям последних свойственно также было размышлять о смерти как о логическом завершении своего земного пути.

Тесную связь в русских паремиях данный концепт имеет с концептом «здоровье» – «Не всякая болезнь – к смерти» [3, с. 136]. Чаще всего концепт смерти закрепляет представление о тщетности попыток ее избежать: «Сколько ни жить, а смерти не отбыть», «От смерти и под камнем не укроешься», «Как ни вертись, а в могилку ложись», «Долго ли, скоро ли, а все будет конец», «От смерти не уйдешь: не посторонишься, не спрячешься, не откупишься, отмолишься, не открестишься», «Смерть придет и на печи найдет» и т.д. [14, с. 30]. В русских паремиях, однако, не столь часто, но встречается представление о смерти, как о явлении, к которому человеку в духовном плане надлежит быть приготовленным заранее: «Хватился монах, когда смерть в головах» [2, с. 233].

В китайской лингвистической культуре смерть человека не принято связывать с божественным волеизъявлением, равно как нетипичным для представителей китайского народа является прямое соотнесение земной

и загробной жизни. В ряде китайских паремий, основанных на оппозиционном понимании жизни и смерти, транслируются представления народа о подвиге и самопожертвовании: «Лучше быть разбитым нефритом, чем целой черепицей» （宁为玉碎，不为瓦全），«Отдать жизнь за благородное дело» (舍生取义) и т.д. Необходимо отметить, что подобные смыслы концепта «смерть» свойственны также и русским паремиям (в частности, «Биться до последней капли крови», «Пасть на поле брани» и т.д.). Таким образом, можно заключить, что представители русского и китайского народов придают большое значение делам человека, оставляющим память о нем даже после смерти. Подводя итоги рассмотрению вопроса об основных концептах русской и китайской паремиологической картины мира, необходимо отметить, что исследованные концепты присутствуют как в русском, так и в китайском языках. Смыслы, которые вкладывали в них носители русской и китайской культур, преимущественно сходны, однако, имеют некоторые различия. В частности, смыслы концептов «семья» и «смерть» позволяют говорить о схожести паремиологических картин мира представителей русского и китайского народов, в то время как концепт «любовь» имеет некоторые отличия, выраженные в китайских паремиях, наличие которых обусловлено традициями конфуцианства [6, с. 72–75].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гу Х., Доронина Е.Г. Паремиологическое представление концепта любовь в китайской и русской языковой картинах мира // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. № 1 (3). – С. 7.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т. 4. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 683 с.
3. Избранные пословицы и поговорки русского народа / Сост. Н.П. Колпакова, М.Я. Мельц, Г.Г. Шаповалова. Вступ. статья чл.-корр. АН СССР В.П. Андриановой-Перетц / Под общ. ред. А.А. Прокофьева. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 195 с.
4. Кацюба Л.Б. Своеобразие национально-культурных моделей строения паремиологического текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 25 (158). – С. 11–17.
5. Ладисова О.В., Вэньхуа Х. Национально-культурные ценности концепта «семья» в русской и китайской паремиологии // Избранные вопросы науки XXI века: сборник научных статей. Т. II. – М.: Изд-во «Перо», 2019. – С. 122–128.
6. Любимов А.П. Конфуцианство как этико-социально-политическое учение и его место в современном государственном и международном праве // Философские науки. 2015. № 3. – С. 71–77.
7. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.
8. Паремиологический сборник: пословица, загадка: структура, смысл, текст / [АН СССР, Ин-т востоковедения; сост., ред. и предисл. Г.Л. Пермякова]. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии [Авт. предисл. Г.Л. Капчиц; АН СССР, Ин-т востоковедения]. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
10. Просвирнина И.С., Жуй Ш. Концепт «Скромность» в русских и китайских паремиях // Вестник ТГГПУ. 2013. № 4 (34). – С. 97–104.
11. Серегина М.А. Фреймовая структура паремий вокруг концепта (на материале русского и немецкого языка) // Прагмалингвистика и практика речевого общения: Международная научная конференция. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2008. – С. 302–310.
12. Словарь китайских пословиц / Под ред. Чжоу Цзинци. – Пекин: Шану, 2006. – 593 с.
13. Словарь современного китайского языка / Под ред. Люй Шусян. – Пекин: Шану, 1996. – 1869 с.
14. Фан Я. Концепт «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. – С. 250–255.
15. Цзянькунь П. Ложь, неправда и кривда как фрагмент русского паремиопространства (на фоне китайского языка) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 2. – С. 252–260.
16. Шагбанова Х.С. Место и роль китайской тематики в русской литературе XIX – начала XX вв. [Электронный ресурс] // Филология: научные исследования. 2024. № 3. – С. 67–79. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69943 (дата обращения: 08.04.2024).
17. Эйнштейн А. Собрание научных трудов в 4 томах / Под ред. И.Е. Тамма и др. – М.: Наука, 1965-1967: Т. 4: Статьи, рецензии, письма: Эволюция физики. 1967. – 599 с.
18. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии: науч. изд.: [монография] / [Бабушкин А.П. и др.; Науч. ред.: З.Д. Попова, И.А. Стернин]; Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук, Воронеж. гос. ун-т, Моск. обществ. науч. фонд, Ин-т перспектив. рос. исслед. им. Кеннана (США) при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Катрин Т. МакАртуров (США). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. – 313 с.

© Чэнь Сюесун (Cxuesong15@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»